

Алексей Будищев

Персона

Алексей Николаевич Будищев

Персона

Аннотация

«Становой пристав Фунтиков, совсем молодой человек, с прыщавым лбом и едва заметными русыми усиками, ходит по своему кабинету и хандрит. Его руки беспомощно болтаются около бедер; выражение лица пристава такое, точно он выпил рюмку полыновой и до сих пор ничем не закусил. Лампа горит тускло. Около стола на полу лежит легавая собака; она спит, похрапывает и порою колотит по полу хвостом. Фунтиков ходит по комнате; иногда он останавливается около окошка и глядит в сад. Но в саду тоже безнадежно грустно и тоскливо. Ветер шумит между деревьями, стонет, точно у него простужены все кости, и хнычет. Деревья машут ветками, как руками; они как будто толкают друг друга, чтобы согреться и развлечься хоть чем-нибудь, как извозчики за обозом...»

Алексей Будищев

Персона

Становой пристав Фунтиков, совсем молодой человек, с прыщавым лбом и едва заметными русыми усиками, ходит по своему кабинету и хандрит. Его руки беспомощно болтаются около бедер; выражение лица пристава такое, точно он выпил рюмку полыновой и до сих пор ничем не закусил. Лампа горит тускло. Около стола на полу лежит легавая собака; она спит, похрапывает и порою колотит по полу хвостом. Фунтиков ходит по комнате; иногда он останавливается около окошка и глядит в сад. Но в саду тоже безнадежно грустно и тоскливо. Ветер шумит между деревьями, стонет, точно у него простужены все кости, и хнычет. Деревья машут ветками, как руками; они как будто толкают друг друга, чтобы согреться и развлечься хоть чем-нибудь, как извозчики за обозом.

«Если бы Трезор умел служить, – думает с тоской Фунтиков, – но это дуrolобина, кажется, ни на что не способна. Я его пристрелю, непременно пристрелю!»

– Завтра же застрелю! – решает он твердо.

Пристав вздыхает.

Ему положительно нечего делать. Он холост и служит в этом медвежьем углу недавно.

«Кажется, придется от скуки учиться вязать чулки», думает

ет Фунтиков и внезапно морщит нос и фыркает. Он устремляется к собаке, топает ногами и кричит:

– Вон, невежа! Ты только это и умеешь, дуролобина! Вон, сию же минуту!

Однако собака относится к этой вспышке своего владыки достаточно равнодушно. Она лениво поднимается, зевает, загибая кончик красного языка кверху, и, сконфуженно виляя хвостом, удаляется.

«С этой собакой всю квартиру выстудишь: только и знай открывай форточку», думает Фунтиков, падает в изнеможении в кресло и вздыхает:

– Тоска!

И вдруг его осеняет счастливая мысль: он вспоминает, что в холодной при волостном правлении содержится беспаспортный бродяга. Нужно позвать его сюда и допросить. Все-таки это может развлечь. Фунтиков зовет сотского в мундире, насквозь пропахнувшим казармами, и отдает ему приказание привести бродягу. Бродяга вскоре является, и пристав приглашает его в кабинет. Тот переступает порог. На станového глядит опухшее лицо с воспаленными веками и толстым красным носом. Бродяге, вероятно, лет сорок. Он одет в женскую кацавейку; его горло обмотано лиловым гарусным шарфом, на ногах валенки. Пристав приглашает его сесть около стола на стул, возле которого лежала собака. Бродяга опускается довольно непринужденно; затем он нюхает воздух и вопросительно смотрит па станово-

го. Тот конфузится.

– Я держу у себя собаку, – говорит он, – Трезора. Скажите ваше звание? Почему при вас нет бумаг?

Бродяга смотрит на Фунтикова надменно.

– Потому, что я уничтожил свои бумаги, как неприличные и пасквильные, – отвечает он и глядит на станового, как начальник департамента на своего сторожа.

Становой конфузится под его упорным взглядом.

– По бумагам, – продолжает бродяга, – я выходил мещанином, смердом, а на самом деле, то есть по происхождению, я – персона. И я уничтожил все бумаги. Пусть меня таскают по этапам, как непомпящего родства и беспаспортного!

Бродяга скрещивает на груди руки. По его отекающему лицу с красными пятнами под глазами медленно, как черепаха, ползет чувство самоуважения и почти надменного презрения ко всему окружающему.

– Экуте, – говорит он, – я – граф Пугач-Выкрутасов! Слышали вы о таком? Я его сын! Вы понимаете: его сын! Не правда ли, это не то, что вы!

Бродяга вытягивает ноги с таким достоинством, точно на них обуты не пожелкнувшие избитые валенки, а щегольские ботинки. Становой присаживается на кончик стула и во все глаза глядит на бродягу.

– Это того самого, у которого пятьдесят тысяч десятин? – спрашивает он, застенчиво хлопает глазами и прячет свои ноги под стул.

Бродяга шевелится на стуле.

– Того самого. Моя маменька служили у них в экономах и согрешили. Впрочем, я по гроб жизни благодарен им за этот их грех. Хорошо сделали маменька! Да! Царство им небесное за это!

Бродяга косится в правый угол и кладет крест между двух пуговиц кацавейки.

– Я рос у папеньки в загоне, на заднем дворе, но я сам занялся своим образованием. Я знал, что я – граф. Я прочел много романов в детстве. Манеры я изучал, подсматривая в окошко за графами и князьями, бывавшими в гостях у папеньки. Когда папенька давал бал, я простаивал целые часы у окошка, следя за танцующими парами. А потом я старался подражать им на дорожках сада, расхаживая в кадрили или вертясь в вальсе.

Бродяга кашляет, отплеывается и продолжает:

– Я благодарен моей маменьке. Я не желал бы происходить от смерда. Лучше влачить самую жалкую жизнь и быть графом. Наш род известен с Ивана Третьего. Пусть меня заморят в острогах, но я ничем не хочу быть иначе. – Я Пугач-Выкрутасов и никто больше. Я достаточно хорошо изучил нашу родословную. Один из Выкрутасовых, Пахом, по прозвищу Крутой, был повешен в Орде. Другой задушен в опочивальне при Годунове. Что же, может быть, и меня ждет такая же трагическая участь! Я готов на все. Я полжизни провел в острогах. Я – Пугач-Выкрутасов! Пугач-Выкрутасов и никто боль-

ше!

Воспаленные глаза бродяги горят почти вдохновением. Его жёлтые с жесткой кожей руки трясутся.

Проходит минута молчания. Бродяга сопит носом.

– Почему вы зовете свою собаку Трезором? – внезапно обращается он к становому. – Я знаю одного кузнеца, у которого собаку тоже звали Трезором. Свою вы назвали бы лучше Нитуш, мамзель Нитуш. Не правда ли, это звучит красивей?

Становой конфузится.

– Но моя собака кобель.

Бродяга слегка шаркает валенками.

– Ах, в таком случае, пардон!.. А как ваша фамилия? – добавляет он через минуту.

Совсем сконфуженный пристав долго ежится и наконец говорит:

– Моя фамилия самая простая – Фунтиков, – шепчет становой, почтительно шевеля губами. – Я из канцелярских служащих и назначен становым всего месяц тому назад-с.

Это «слово-ер», внезапно и помимо его воли добавленное им, как бы слегка пугает его своим неожиданным появлением. Он глядит на бродягу уже с рыбьим выражением на всем своем лице, а бродяга на него с сожалением.

– Вот то-то и есть, что Фунтиков; а моя – Пугач-Выкрутасов. Пугач-Выкрутасов, не правда ли, у вас от одного этого звука начинает кружиться голова? – говорит он, но уже как ласковое начальство.

Становой что-то хочет сказать, но чувствует, что его язык слегка парализован. Его ноги обдает холодом. Он моргает глазами.

– Моя фамилия – мой крест, – говорит, между тем, бродяга, – я несу его терпеливо и с гордостью. Предки не будут конфузиться за меня в их гробницах. Мой отец ел устрицы, и я ел их. Воровал, но ел. Графа нельзя представить без устрицы в желудке. Это все равно, что собака без хвоста, не правда ли? Мой дед ударил капитана-исправника, а я хлопнул в Тотьме тюремного смотрителя, когда тот позволил сказать мне маленькую дерзость. Деду сошло это с рук, а меня жестоко били. Что же, я не ропщу! Да, я с гордостью несу свой крест. Я – Пугач-Выкрутасов, и не хочу быть никем больше. Напрасно вы хотите подкупить меня разными житейскими удобствами. Я не возьму от вас бумаг, позорящих мое имя. Я не хочу быть мещанином!

Бродяга глядит на станового теперь, уже сверкая глазами; его губы надменно выпячиваются, обнаруживая желтые и гнилые зубы.

– Я – граф Пугач-Выкрутасов, потомок страстотерпца, казненного в Орде! Вы бьете меня палками, и я терплю. Знаете ли вы, что значит ночевать на мокрой земле осенью, под дождем, в женской кацавейке? Это тяжело. Это без сравнения тяжело. Мое тело простужено, все кости болят, ноют и стонут, и все-таки я не возьму ваших бумаг. Я презираю вас всех, смердов! Я умру в луже, как собака, и все-таки оста-

нужь графом. Пусть меня таскают по этапам и морят в тюрьмах, все же я несравненно благороднее многих из вас. И я не продам своего титула за похлебку. Впрочем, мне недолго мыкаться по белу свету. Я постоянно хвораю. В Уржуме в прошлом году меня долго били пьяные мужики. Я взял потихоньку трехкопеечный калач. Вы понимаете, я был голоден, как собака! Они поймали меня, отбили мне все внутренности, и я целый месяц пролежал после этого в тюремном лазарете. Да, я протяну недолго. По утрам на меня нападают припадки кашля, и каждый раз после припадка я отхаркиваю частицы своих внутренностей. Что же, я умру без ропота! Вы преследовали меня всю жизнь, но я простил бы вам все, понимаете ли, все, если бы... если бы... вы... когда я умру, поставили на моей могиле крест, простой деревянный крест, и сделали бы на нем надпись: здесь... здесь похоронен граф... граф Михайло Пугач... Пугач-Выкру... Выкрутасов!..

Все лицо бродяги морщится. Он внезапно рыдает, глотая слезы и припадая головой к письменному столу станового.